

Рейтинговая оценка состояния агропрома Урала: узловые проблемы и возможные точки роста

Андрей Александрович

МАЛЬЦЕВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: maltsevaa@list.ru

ORCID: 0000-0002-3774-6311; ResearcherID: R-9328-2016

Сергей Валерьевич

ЧИЧИЛИМОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3681-4279

Аннотация. Агрокомплекс России в последние годы, несмотря на обострение внешних «раздражителей», таких как общие проблемы глобального сельского хозяйства, ухудшение конъюнктуры продовольственных рынков, ужесточение «первой мировой продуктовой войны», все активнее превращается в системообразующий сектор экономики страны и может рассматриваться не только как поставщик продовольствия и ресурсов для многих отраслей экономики, но и как инициатор разработки и потребитель критически важных high-tech решений и прорывных индустриальных технологий, способных купировать многие глобальные вызовы современности. Рассмотрение конкретики разворачивающихся в последние годы в агропроме страны процессов с целью выявления узловых проблем и возможных точек дальнейшего роста в складывающихся

Для цитирования: Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2026). Рейтинговая оценка состояния агропрома Урала: узловые проблемы и возможные точки роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 86–104. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.5

For citation: Maltsev A.A., Chichilimov S.V. (2026). A rating assessment of the condition of the Urals' agro-industrial complex: Key problems and potential growth points. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 86–104. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.5

геоэкономических реалиях крайне редко — вследствие трудоемкости процесса и сложности сбора первичной информации — выполняется на срезе его микроуровня, то есть с позиций предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности. В этом плане авторами предпринята одна из первых попыток провести соответствующее исследование на примере 585 предприятий агропромышленного комплекса Урала в составе 7 субъектов федерации (Республика Башкортостан, Челябинская, Оренбургская, Курганская области и три региона Нечерноземья — Удмуртская Республика, Пермский край и Свердловская область). Еще в 2000 году он занимал второе место среди 11 экономических районов страны по валовому сельскохозяйственному производству (14,07%) и выпускал почти 1/10 продовольствия РФ (8,78%), но за последующую четверть века утратил часть позиций в этой иерархии (до 10,81 и 7,13% в 2024 году соответственно). Главным методическим инструментарием выступило впервые проведенное рейтинговое предприятие агропрома Урала, информационной базой которого послужили открытые данные «Системы профессионального анализа рынков и компаний». В общей сложности за период 2018–2024 гг. в разрезе каждого года в отдельности составлено по 7 рейтингов: топ-400 лидеров агропромышленного комплекса Урала по выручке от реализации, топ-100 лидеров сельского хозяйства, топ-100 лидеров пищевой промышленности (по объему реализации продукции), топ-100 лидеров по чистой прибыли, топ-100 лидеров по рентабельности, рейтинг проблемных зон (50 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности с наибольшим чистым убытком от хозяйственной деятельности по итогам года), рейтинг 100 лидеров по производительности труда. Исходя из поставленных задач, выявлены ключевые рискнесущие проблемные зоны и возможные точки роста уральского агропромышленного бизнеса. В силу концентрации внимания авторов на временном отрезке 2018–2024 гг. логика исследования потребовала предварить разговор краткой характеристикой ключевых глобальных вызовов, сказывающихся на развитии мирового аграрного сектора в текущем периоде, и основных результатов перепозиционирования сельского хозяйства в экономике современной России. Полученные результаты могут быть использованы специалистами-практиками в процессе подготовки конкретных решений при уточнении «дорожной карты» дальнейшего развития агропромышленного комплекса страны и Урала в частности.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, пищевая промышленность, рейтинг, сельское хозяйство, устойчивый экономический рост.

Аграрный сектор мировой экономики в новой геоэкономической реальности

К третьему десятилетию XXI века глобальное сельское хозяйство столкнулось с целым рядом вызовов. Из главных выделим, во-первых, резкое снижение среднегодовых темпов прироста общей факторной производительности с 1,7% в 1990-е и 2,0% в 2000-е гг. до 1,1% в 2010-е (Fuglie et al., 2024) и 0,7% в 2020-е гг. (Nakelse, Thompson, 2025, p. 15) при необходимости их, как минимум, удвоения (Ortiz-Vobea et al., 2021, p. 310), чтобы обеспечить продовольствием растущее (по прогнозам к 2050 году до 9,6 миллиарда человек) население Земли (Adam, 2021, p. 463). Во-вторых, зафиксированное впервые в наблюдаемом статистикой периоде сокращение глобальной площади сельскохозяйственных угодий за 2001–2023 гг. более чем на 2% (Cattaneo et al., 2024, p. 473), на что

наложилось ускорение деградации сельскохозяйственных земель (Wuerpper, 2021; Nkonya et al., 2024), признанное FAO «критической проблемой» („recognized land degradation as a critical challenge”), к 2025 году влиявшей на качество жизни более 1,7 миллиарда человек по всему миру¹. В-третьих, обострение проблемы обеспеченности пресной водой (Pierri et al., 2025), 70% которой, по данным FAO, к третьему десятилетию XXI века в мире использовалось в сельском хозяйстве, при невозможности дальнейшего расширения водопотребления отраслью, прежде всего из-за неэффективного ее расходования (Su et al., 2025). В-четвертых, ускорение старения фермеров (Barbier, di Falco, 2021).

¹ FAO. The State of Food and Agriculture 2025. URL: <https://openknowledge.fao.org/items/dd568913-8938-4705-96c4-3f0ebb2a22b6> (дата обращения: 12.01.2026).

Так, по данным FAO, доля занятых в сельском хозяйстве старше 55 лет за 2005–2023 гг. выросла в Бразилии с 19,2 до 23,2%, в Индии – с 15,2 до 22,7%, в КНР – с 25,4 до 30,1%, в США – с 30,1 до 33,9%². В-пятых, вхождение мировых рынков продовольствия (прежде всего зерна) в период низких цен и жесткой конкуренции. Так, на 1 июня 2025 года среднемировая цена 1 метрической тонны пшеницы равнялась 174,78 долл. против 436,85 долл. на 1 июня 2022 года, при этом среднегодовой темп падения цен за 2016–2025 гг. составил 4,3%, ускорившись в последние три года до 26,3%³. Ситуацию усложняют традиционно высокие ввозные пошлины на продовольствие. Средневзвешенная среднемировая ставка импортного тарифа на сельскохозяйственную продукцию (за периметром действия преференциальных режимов), составившая 15,7% в 2023 году, немного снизившись с 17,2% в 2012 году, почти вчетверо превышала соответствующую ставку для готовой обработанной продукции – 4,1% (4,2% в 2012 году)⁴, что дает основания экспертам говорить о развернувшейся в середине 2020-х гг. «первой мировой продуктовой войне»⁵.

Серьезность названных вызовов подтверждается экспертным сообществом. Так, в числе шести наиболее приоритетных подцелей устойчивого развития до 2030 года специалисты ООН наряду с повышением качества образования и здравоохранения, расширением цифровизации и пр. выделяют обеспечение устойчивости сельского хозяйства⁶ во всех регионах

² FAO Stat. Employment Indicators: Agriculture and Agrifood Systems. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/OEA> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Inflation Adjusted Price of Wheat. URL: https://www.gurufocus.com/economic_indicators/4555/inflation-adjusted-price-of-wheat (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ UNCTAD. Global Trade Update. March 2025. Policy Insights. The Role of Tariffs in International Trade. 23 p. P. 4.

⁵ Лабыкин А. (2025). Первая мировая продуктовая война // Эксперт. № 16. С. 17.

⁶ “To a great extent, sustainable development is a long-term investment challenge... major investment priorities include quality education, universal health coverage, zero-carbon energy, systems, sustainable agriculture, urban infrastructure, and digital connectivity.” Подробнее см.: UN. Sustainable Development Report 2024.

The SDGs and the UN Summit of the Future. Dublin University Press: Dublin, 2024. URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2024/sustainable-development-report-2024.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

мира, а не только в наиболее бедных странах. В 2025 году эксперты Всемирного экономического форума прямо увязали укрепление сопротивляемости хозяйственной системы страны („strengthen domestic economic resilience”) с развитием стратегических отраслей – энергетики, аграрного сектора и ОПК („developing greater self-sufficiency in key strategic sectors such as Energy, Agriculture, and Defense”)⁷.

Эти выводы опираются на конкретные статистические данные. В частности, замедление мировой экономики – с 3,4% среднегодового прироста глобального ВВП в 1995–2009 гг. до 3,3% в 2010–2023 гг. – во многом предопределило снижение среднегодового прироста глобального сельскохозяйственного производства с 5,7 до 4,2%⁸. Еще ярче эта корреляционная зависимость просматривается на обновлении состава десятки лидеров мировой экономики. Так, Китай, абсолютный мировой лидер по объему сельскохозяйственного производства, к 2023 году (единственный представитель топ-10 по итогам 1995 года) сумел не только практически удвоить свой вклад в глобальное агропроизводство (с 17,2 до 33,2%), но и параллельно нарастить удельный вес в глобальном ВВП (с 2,4 до 17,1%). США, абсолютному лидеру мировой экономики по номинальному ВВП (28,3% в 2023 году), удалось в рассматриваемом периоде удержать первенство (24,5% в 1995 году) и при сокращении доли в мировом сельскохозяйственном производстве с 10,3 до 9,0% остаться номером один по экспорту продовольствия (195,2 млрд долл. в 2024 году)⁹. Германия за тот же период, почти вдвое снизив вклад в глобальный ВВП – с 8,3 до 4,3%, одновременно сдала позиции в мировом промышленном выпуске (переместившись с третьего на четвертое место) и сельскохозяйственном производ-

⁷ WEF. The Global Risks Report 2025. 20th Edition. WEF Press: Geneva, 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

⁸ World Bank Data. GDP Growth (%). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>; FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 14.01.2026).

⁹ UN Comtrade Statebase. URL: <https://statbase.ru/datasets/trade/food-exports-share/?year=last&frmreq=495954&spoc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 14.01.2026).

стве (выбыв из топ-10 уже в 2000 году и заняв 13-ю позицию в 2023 году). Япония, оставаясь в десятке стран-лидеров мировой экономики, ее промышленного и аграрного секторов, за 1995–2023 гг. почти синхронно в 5 раз снизила свою долю в глобальном ВВП с 17,7 до 3,9% и мировом сельскохозяйственном производстве с 8,5 до 1,6%¹⁰.

В этом плане представляет интерес перепозиционирование аграрного сектора России. Если в 1991 году, по оценке FAO (в текущих ценах в долларовом эквиваленте), СССР занимал первую строчку в глобальной иерархии (11,2% валового сельскохозяйственного производства), то уже по итогам 1992 года Российская Федерация перешла на пятое место (4,2%), а в 2023 году оказалась на шестом (1,9%)¹¹. В этих условиях оценка возможностей агропромышленного комплекса (АПК) России переломить сложившийся негативный тренд требует детальной проработки современных реалий, складывающихся на макро- и микроуровнях, и представляет практический интерес.

Изменение роли сельского хозяйства в экономике современной России

Российский агропромышленный комплекс в пореформенный период продемонстрировал невероятное «единение в двух лицах». С одной стороны, на этапе входа в рынок сектор понес, пожалуй, наибольшие материальные и финансовые потери. Так, за 1990–2000 гг. физический объем основных фондов в экономике страны, пусть едва заметно, но увеличился на 5,4%, в том числе в промышленности – на 5,8%, а в сельском хозяйстве снизился на 14,3%. За десятилетие 1990-х гг. было потеряно 50,9% поголовья крупного рогатого скота, 59% – свиней, 47,6% – птицы¹². Это результат прежде всего недоинвестирования аграрного сектора. При сокращении физического объема инвести-

ций в основной капитал страны в целом на 3/4 (в сопоставимых ценах капитальные вложения в экономику в 2000 году составляли 25,8% от уровня 1990 года) доля сельского хозяйства в общем инвестиционном потоке сжалась с 15,9% до 3,5% в 1995 году и 2,6% в 2000 году¹³. Финансовые потери аграрного сектора оказались еще более значительными. Так, сальдированный финансовый результат (СФР / прибыль – минус убыток) в сельском хозяйстве в 1990 году уступал показателю промышленности в 2,6 раза, в 2000 году – в 42,7 раза, а в 1994, 1996–1998 гг. вообще уходил «в минус» (с долей убыточных предприятий, взлетевшей с 10,0% в 1993 году до 76,5–84,4% от их общего числа в секторе в 1996–1998 гг.)¹⁴, сводя до минимума инвестиционный потенциал производителей товарной сельскохозяйственной продукции. В условиях продолжавшегося год за годом перераспределения создаваемой добавленной стоимости в пользу других отраслей экономики сокращение валового сельскохозяйственного производства (ВСХП) за 1990-е гг. (на 38,1%) оказалось меньшим, чем в промышленности в целом (на 45,7%)¹⁵. Самортизировать падение производства помогло, в частности, более плавное сокращение среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве за 1990–2000 гг. на 14,0% (с 9,7 до 8,4 млн человек) против 14,6% в целом по народному хозяйству (с 75,3 до 64,3 млн человек) и 36,2% (с 22,8 до 14,5 млн человек) в деиндустриализовавшейся промышленности¹⁶.

С другой стороны, аграрный сектор продемонстрировал едва не реактивность отклика на увеличение государственной поддержки со второй половины 2000-х гг. За период реализации (2011–2020 гг.) первого варианта Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации от 2010 года¹⁷, когда доля сельского хозяйства в суммарных расходах консолидированного бюджета стабильно превышала 1% при 1,49% в 2010 году и 1,0% в 2020 году (макси-

¹⁰ World Bank Data. GDP (Current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD>; FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 12.01.2026).

¹¹ FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 14.01.2026).

¹² Рассчитано по: Российский статистический ежегодник (РСЕ) 2001: стат. сб. М.: Госкомстат, 2020. С. 305, 416.

¹³ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 569–570.

¹⁴ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 546–547.

¹⁵ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 337, 396.

¹⁶ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 141.

¹⁷ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.

мальные 2,81% фиксировались в 2000 году)¹⁸, валовое сельскохозяйственное производство увеличилось на 49,7% по сравнению с ростом валового промышленного производства на 21,6% и ВВП на 11,8%¹⁹. Даже в 2021–2023 гг., на начальном этапе реализации второго варианта Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации от 2020 года²⁰, когда среднегодовой объем господдержки аграрного сектора в 230 млрд рублей (в постоянных ценах 2012 года) – по известным причинам – снизился с 282,9 млрд рублей в среднем за 2012–2020 гг. или почти на 1/5²¹, прирост ВСХП превзошел динамику ВВП (плюс 10,8% против 9,0%)²².

Именно в период реализации Доктрины продовольственной безопасности РФ «заработали» интенсивные факторы роста аграрного сектора и наметился рост урожайности в растениеводстве, надоев молока и привесов скота, яйценоскости кур и т. д. Так, за 2000–2023 гг. урожайность зерновых и зернобобовых увеличилась в 2,0 раза (с 15,6 до 31,0 ц/га), надой молока на одну корову – в 2,1 раза (с 2502 до 5322 кг/год), среднегодовая яйценоскость кур-несушек в сельскохозяйственных организациях – в 1,2 раза (с 264 до 313 шт.)²³. Кроме того, удалось переломить нисходящий тренд применения минеральных удобрений. Удельный вес посевных площадей с внесенными минеральными удобрениями возрос с 27% в 2000 году до 72% в 2023 году при увеличении их суммарного использования с 1,4 до 3,5 млн т, что, впрочем, в три раза уступало показателю 1990 года (9,9 млн т). Нельзя также не признать, что при двукратном росте годового производства мине-

ральных удобрений с 12,2 до 25,9 млн т в пересчете на 100% питательного вещества удельный вес отечественного сельского хозяйства в их потреблении практически не изменился: 13,5% в 2023 году по сравнению с 11,5% в 2000 году²⁴.

В отличие от наметившихся сдвигов в химизации аграрного сектора не удалось «расшить» другое узкое место – резко снизившуюся (с 240,0 млн л. с. в 2000 году до 92,3 млн л. с. в 2023 году) энерговооруженность сельского хозяйства (пиковая «отсечка» – 419,7 млн л. с. – пройдена в 1990 году)²⁵. Как итог, если в 1990 году на 1000 га пашни в РФ приходилось 10,7 трактора, в 2000 году – 7,4, то в 2023 году – только 3²⁶. Для сравнения: в США этот показатель равен 26 ед., во Франции – 71, не говоря о большей средней мощности и других технических характеристиках западной техники, на долю которой до 2021 года суммарно приходилось 60–65% всего объема ее продаж на российском рынке (Фролова, 2025, с. 36–37). Здесь, правда, первопричины очевидны. Так, пореформенные проблемы отечественного сельскохозяйственного машиностроения обернулись многократным сокращением выпуска тракторов (с 214 тыс. ед. в 1990 году до 19,2 тыс. ед. в 2000 году и 8,8 тыс. ед. в 2023 году), зерноуборочных комбайнов (с 65,7 до 5,2 и 5,1 тыс. ед. в том же временном периоде), доильных установок (с 30,7 тыс. ед. до 400 ед. и 2,7 тыс. ед. соответственно) и др.²⁷ Конечно, трудно ждать осязаемого роста спроса на технику в условиях, когда число убыточных сельскохозяйственных предприятий с 3% от их общего числа в 1990 году возросло до 51% в 2000 году, и даже в достаточно благоприятном по природным условиям 2023 году каждое четвертое предприятие (26,6%) в аграрном секторе оставалось убыточным²⁸. Возникающий при этом вопрос о «разноскоростной» динамике цен на продукцию сектора и входные ресурсы заслуживает отдельного рассмотрения.

С 1992 года доминирующим сектором российской экономики, как известно, стало производство услуг (52% ВВП), «перевесивших»

¹⁸ РСЕ 2015. С. 538; РСЕ 2021. С. 513; РСЕ 2024. С. 499–500.

¹⁹ Рассчитано по данным статистического сборника «Российский статистический ежегодник» за соответствующие годы.

²⁰ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

²¹ Рассчитано по: Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 45). М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 456 с. С. 197.

²² Рассчитано по: РСЕ 2022. С. 373; РСЕ 2023. С. 375; РСЕ 2024. С. 262, 362, 385.

²³ РСЕ 2024. С. 394; РСЕ 2001. С. 408.

²⁴ РСЕ 2001. С. 364, 405; РСЕ 2024. С. 375, 390.

²⁵ РСЕ 2001. С. 406; РСЕ 2024. С. 391.

²⁶ РСЕ 2001. С. 405; РСЕ 2024. С. 390.

²⁷ РСЕ 2001. С. 367; РСЕ 2024. С. 379.

²⁸ РСЕ 2001. С. 402; РСЕ 2024. С. 329.

долю товаров (46,2% ВВП)²⁹. Удельный вес сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости (ВДС), создаваемой в стране, снизился с 16,5% в 1990 году до минимальных 3,5% в 2012 году, после чего с середины 2010-х гг. закрепился в диапазоне 4,0–4,3%, но в 2023 году снова вернулся к отметкам начала 2010-х гг. Практически синхронно доля промышленности, сократившись с 38,0% НДС РФ в 1990 году до минимальных 25,6% в 2014 году, в начале 2020-х гг. держалась на уровне 30%, но и здесь в 2023 году произошел «отступ» к показателям начала 2010-х гг. При этом с начала 2000-х гг. суммарный вклад аграрного сектора и индустрии в НДС страны ниже 1/3 не снижается, выступая важным фактором стабилизации социально-экономического развития страны. Например, в 2011–2024 гг. каждое падение ВВП к предыдущему году (в 2012, 2018, 2021, 2023, 2024 гг.) компенсировалось, в том числе, ростом промышленного производства, так что общая годовая динамика ВВП оставалась положительной³⁰.

Заметим, что эффект синергии аграрного и индустриального секторов мог быть гораздо весомее при исправлении перекоса в распределении сальдированного финансового результата предприятий страны. Если в 1990 году доля сельского хозяйства в НДС РФ практически соответствовала удельному весу сектора в СФР по стране в целом, то к 2000 году образовался кратный разрыв, сохранившийся до 2020-х гг., когда вклад в НДС РФ в 1,5–2,5 раза превышал часть чистой прибыли, остающейся в распоряжении аграриев. Фактически это означает, с одной стороны, ее перераспределение в пользу других секторов экономики, а с другой – рост агропроизводства на заделах предыдущих лет, который по определению стабильно устойчивым быть не может. Тем более что и задел этот истончается. Так, только за 2021–2023 гг. СФР, остающийся в агросекторе, сократился (даже в фактических ценах) с 797,0 до 654,0 млрд рублей, или на 1/5³¹.

²⁹ РСЕ 2001. С. 280.

³⁰ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 282, 546; РСЕ 2002. С. 288; РСЕ 2015. С. 282, 559; РСЕ 2022. С. 333–334; РСЕ 2024. С. 268–269, 327–328.

³¹ РСЕ 2024. С. 327.

С ростом стратегической значимости АПК в обеспечении не только собственно продовольственной, но и национальной безопасности в целом отстраивание и уплотнение межотраслевого взаимодействия в периметре сектора и с сопряженными блоками отраслей становится важным условием обеспечения устойчивости и повышения эффективности функционирования всего хозяйственного комплекса страны и ее регионов (Ушачев и др., 2025; Пятракова, Копытова, 2025). В данной системе координат сельское хозяйство может рассматриваться не только как поставщик продовольствия и ресурсов для многих отраслей экономики, но и как инициатор разработки и потребитель критически важных high-tech решений и прорывных индустриальных технологий, способных купировать многие глобальные вызовы современности.

К реализации этой миссии российского агропрома сложился ряд предпосылок. Из условий естественно-природного порядка выделим бесценный резерв неиспользуемых по разным причинам («заброшки», перевод в иные категории землепользования и пр.) земель сельскохозяйственного назначения. Напомним, что в период реформ, на 1 января 1992 года, Россия вошла с 643,6 млн га земель сельскохозяйственного назначения³², тогда как к 2024 году их площадь – за счет изменения структуры экономики, роста производительности и др. – сократилась в 2,6 раза до 244 млн га. Нужно иметь в виду, что возвращение в оборот обладающих соответствующим потенциалом неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, общая площадь которых на 1 января 2024 года равнялась 31,6 млн га, включая 16,9 млн га пашни (Алтухов и др., 2025, с. 4), не сводится единственно к возможности нарастить производство и экспорт сельскохозяйственного сырья, продовольствия и сопряженной продукции. Бесспорно, это само по себе сверхважно³³. Однако гораздо

³² РСЕ 1998. С. 41.

³³ Достаточно заметить, что, например, с 2021 года российский АПК добился устойчивого превышения экспорта продовольственной продукции над ее импортом (Хейфец, Чернова, 2024, с. 167), превратившись в «высокотехнологичный локомотив роста экспортной выручки страны». Подробнее см.: Калянина Л. (2022). АПК способен существенно изменить структуру российского экспорта в следующие 15–20 лет // Эксперт. № 46. С. 50.

важнее, что российские почвы (вместе с лесами, недрами и пр.) являются крупнейшим в мире резервуаром углерода, «самого дефицитного элемента жизни». Их грамотное использование (расширение применения технологии беспашотного земледелия no-till, замена мхов на пустошах и залежах злаками, которые будут кормить богатую фауну, а при необходимости смогут стать альтернативой углеводородному топливу, восстановление полелесозащитных полос, естественноприродного пастбищного разнообразия и т. д.) не только будет способствовать достижению национальной экономикой углеродной нейтральности — на сельское хозяйство приходится 5,7% выбросов парниковых газов в СО₂ эквиваленте в РФ (Рябов и др., 2024, с. 34), но и ускорит формирование экосистем, которые станут «резервом протеинов и плодородных почв». При этом Россия получит возможность «по своему желанию менять альбедо (часть энергии Солнца, отражаемая Землей — авт.)»³⁴ на самой большой территории в мире, внося, тем самым, свой вклад в разрядку нагнетаемой последние десятилетия западным сообществом «экологической напряженности». Планы западных стран по созданию технологий управления климатом, по факту, оказались нереализуемы. Эксперты все больше сходятся во мнении, что «будущий климат и продуктовая безопасность мира сегодня в наибольшей степени зависят от России»³⁵.

Кроме того, системообразующую значимость современного российского АПК усиливает последовательное укоренение стратегий качественного роста, превращающих сектор в драйвер экономического развития страны. Подтверждением, в частности, может выступить показатель производительности труда. При среднем по России уровне 80 тыс. долл. в ценах 2023 года по паритету покупательной способности на одного занятого (141 тыс. долл. в странах Западной Европы, 211 тыс. долл. в США) в сельском и лесном хозяйстве РФ (кстати, как и в пищевой промышленности) соответствующий показатель составил 34 тыс. долл. (для сравнения, в машиностроении 24 тыс. долл.),

³⁴ Зимов С. (2024). В понедельник через 100 лет будет... // Российская газета. 2 июля. № 142. С. 9.

³⁵ Зимов С. (2023). Природа бессмертна. А человек? // Российская газета. 11 октября. № 229. С. 11.

повторяя результат стран Восточной Европы, но в два раза уступая странам Западной Европы (74 тыс. долл.) и в пять раз — США (176 тыс. долл.)³⁶. Достигнутый рубеж, во-первых, говорит о наличии «резерва занятости», который может быть задействован в других секторах экономики в случае наращивания производительности труда. Так, в 2021 году в сельском хозяйстве РФ трудилось 6,0% занятого населения против 3,1% в Японии, 1,5% в США, 1,2% в Германии (Узякова, Широ, 2024, с. 9), при том что по большинству ключевых направлений, зафиксированных в российской Доктрине продовольственной безопасности, к началу 2020-х гг. показатели были выполнены или перевыполнены (Долгушкин, 2025). Во-вторых, высвечивается потенциал роста производства добавленной стоимости в сельском хозяйстве параллельно с повышением производительности труда. Кстати, в 2001–2020 гг. среднегодовые темпы прироста производительности труда в аграрном секторе составили 5,9%, отставая только от сферы финансов и страхования — 7,5%, телекоммуникаций — 7,0% и среднетехнологичных отраслей обработки — 6,7%, что позволило повысить среднеотраслевую производительность труда с 42,7 до 74,4% от средней по экономике России (Узякова, Широ, 2024, с. 10). Более детально разворачивающиеся в последние годы в агропроме страны процессы предлагаем рассмотреть на срезе его микроуровня, то есть с позиции непосредственно предприятий сельского хозяйства и производителей продовольственных товаров конкретно взятого региона. Объектом исследования выбран Уральский регион в составе 7 субъектов федерации. Главным методическим инструментарием выступит рейтинговое предпринятие АПК Урала.

Методика рейтинговой оценки структурной трансформации российского АПК: кейс Урала

В 2015 году аналитический центр журнала «Эксперт» впервые представил рейтинг 50 крупнейших компаний агропромышленного комплекса страны по итогам 2014 года³⁷. В последую-

³⁶ Расчеты ЦМАКП по соотношению добавленной стоимости в долларах США по ППС на 1 занятого. Подробнее см.: О производительности труда в отраслях экономики России по сравнению с другими странами. М.: ЦМАКП, 2025. С. 6.

³⁷ Ермак С. (2015). Продовольственный оптимизм // Эксперт. № 41. С. 72–80.

шем подготовка специальных ежегодных докладов «Рейтинг компаний АПК России» стала традицией, прервавшейся — по известным причинам, прежде всего из-за необходимости защиты лидерами российского бизнеса своей исходной отчетности — в 2023 году. В аналитическом сопровождении уже первых рейтингов эксперты последовательно отмечали поворотные этапы в развитии российского АПК: динамический рост с 2006 года на основе модернизации и диверсификации производства при активном инвестиционном подкреплении, мощный импульс к развитию, полученный в 2014 году с введением Россией продовольственных контрсанкций в отношении недружественных стран, завершение по большинству критических позиций стадии импортозамещения с постепенным переходом к ориентированной на экспорт модели развития³⁸.

Публикация федеральных рейтингов превратилась на пороге нового этапа развития АПК страны, когда его основные сегменты вплотную подошли к стадии насыщения рынков, структурные трансформации — феномен вертикальной интеграции (стратегии «от поля до прилавка», «от пробырки до конечного потребителя»), наращивание инвестиций в инфраструктуру для установления полного контроля над технологическими циклами и оптимизации себестоимости и др. — захватили практически все ключевые подотрасли сектора, а российский продовольственный рынок все глубже встраивался в мировой. Новая реальность — наложение очередной агротехнологической волны на раскручивавшуюся с 2014 года волну антироссийских санкций в условиях инвестиционного сжатия (в 2019 году на 1 рубль ВСХП приходилось 6,4 копейки чистых инвестиций, в 2023 году — 4,4 копейки) (Климентова, Дубовицкий, 2025, с. 15) как следствия ужесточения денежно-кредитной политики Центробанка России, роста транзакционных издержек сельхозпроизводителей (например, за 2024 год себестоимость производства зерновых в стране выросла на 1/3³⁹) при утяжелении диспаритета цен на про-

дукцию сельского хозяйства и востребованные аграриями технику, топливо, удобрения и пр. (в 2021 году для покупки одного зерноуборочного комбайна требовалось продать 1 тыс. т зерна, в 2024 году — 2 тыс. т⁴⁰) — не могла не сказаться на развитии АПК. Все это только актуализирует задачу выявления ключевых трендов в развитии российского АПК на середину 2020-х гг. и оценки его вклада в обеспечение устойчивости российской экономики в современных условиях.

При подготовке первых рейтингов ведущих представителей российского АПК их составители преследовали три главные цели: определение важнейших тенденций развития отдельных секторов агропрома, выявление узловых проблем проживаемого рассматриваемым комплексом периода, возможное продвижение ключевых игроков рынка. В условиях конкурентного рынка для повышения маркетинговой привлекательности и упрочения неценовых конкурентных позиций лидерам важно иметь внешнее независимое подтверждение лидерства. В своем методическом подходе мы постарались сохранить это триединство целей.

Информационной базой наших рейтингов уральского АПК выступили открытые данные «Системы профессионального анализа рынков и компаний» (СПАРК)⁴¹. Главным критерием при ранжировании предприятий выбран показатель выручки от реализации за анализируемый год без НДС и акцизов. Специалисты «Эксперт РА» в своей работе активно использовали метод опросов кандидатов на попадание в рейтинг. Сразу оговоримся, что в сегодняшних условиях метод опросов (интервьюирования) представителей уральского АПК не применялся, поэтому проблемные точки роста, выявленные при подготовке рейтингов, в дальнейшем выверялись по открытой общероссийской и региональной статистической информации.

Формат рейтингов предполагал ранжирование предприятий по нисходящей объемов реализации без НДС и акцизов с одновременной

³⁸ Ермак С., Печенкина Т. (2016). Парниковый эффект // Эксперт. № 40. С. 44–51; Лабыкин А. (2017). Удушливое изобилие // Эксперт. № 40. С. 63–66; др.

³⁹ Карabut Т. (2025). Запасные всходы // Российская газета. 18 февраля. № 35. С. 5.

⁴⁰ Пичурина В. (2025). Комбайны в заплатках // Российская газета. Приложение «Уральский регион». 27 февраля. № 43. С. 13.

⁴¹ Из целого ряда действующих в РФ поисковых систем и сервисов проверки контрагентов («List-Org», «Saby», портал «Чекко» и др.) авторами выбрана база данных СПАРК как наиболее полно отвечающая целям настоящего исследования.

фиксацией позиции хозяйствующего субъекта в предыдущем году. По каждому предприятию, помимо названия в редакции 2024 года, указывались форма собственности, адрес места регистрации и отраслевая принадлежность, подбиравшаяся по виду экономической деятельности. Для характеристики качественных параметров состояния уральского АПК дополнительно производилось структурирование агробизнеса по «представительству» в рейтинге на конкретный год крупных, средних и малых предприятий и рассчитывались рентабельность производства и производительность труда. Досадное огорчение доставила невозможность провести сплошное рейтинговое собрание для изучения пула предприятий (общим числом 585) по производительности труда. Дело в том, что в базе СПАРК показатель «среднесписочная численность» на последний день отчетного периода (в годовой отчетности – на 31 декабря) нередко приводится – зачастую по знаковым предприятиям – не точным числом занятых, а неким диапазоном, например, 0–5 человек, 16–50, 501–1000 человек (или вообще не обновляется ввиду непредоставления данных предприятиями), что делает невозможным заполнение знаменателя соответствующей дроби. Плюс накопительным итогом отчетность по среднесписочной численности работников в базе СПАРК не сохраняется. Тем не менее, в силу важности показателя производительности труда предприятия попытка провести пробное обследование по имеющимся у авторов данным за 2023–2024 гг. с получением своего рода отправной точки для сравнительного анализа в процессе продолжения разработки поднятой темы.

В общей сложности за 2018–2024 гг. в разрезе каждого года в отдельности нами составлено по 7 рейтингов: топ-400 лидеров АПК Урала по выручке от реализации (включая предприятия сельского хозяйства, пищевой и комбикормовой промышленности, элеваторы), топ-100 лидеров сельского хозяйства и топ-100 лидеров пищевой промышленности (по объему реализации продукции), топ-100 лидеров по чистой прибыли и топ-100 лидеров по рентабельности, рейтинг проблемных зон (50 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности с наибольшим чистым убытком от хозяйственной деятельности по итогам года),

рейтинг 100 лидеров по производительности труда (только на 2023 и 2024 гг.)⁴². Поясним, что рентабельность рассчитывалась нами по отношению чистой прибыли (код строки 2400 отчета о финансовых результатах предприятия) к выручке от реализации (код 2110), выраженному в процентах, а производительность труда – по объему годовой выручки от реализации к среднесписочной численности занятых на предприятии. Из-за отсутствия в базе СПАРК данных об экспортных поставках и сельскохозяйственных угодьях, находящихся в распоряжении хозяйствующих субъектов, рассчитать экспортность производства и «производительность земли» (по выручке на 100 га пашни) не представлялось возможным.

Наша выборка предприятий выставлялась на максимально возможную «глубину», захватывая предоставившие публичную финансовую отчетность предприятия с выручкой свыше 400 млн рублей на 2024 год, то есть не только крупный и средний бизнес, но и лидеров малого предпринимательства. В порядке подтверждения скрупулезности проведенной подготовительной работы отметим, что, например, в нашем рейтинге топ-400 АПК Урала за 2024 год учтены 10 «тяжеловесов» – агрохолдинги «Милком» и «Макфа», «Элеватор» (г. Кумертау), Чишминский маслоэкстракционный завод, «Руссоль» (г. Оренбург), Удмуртская птицефабрика (г. Глазов), Курганский мясокомбинат «Стандарт», «Орел» (г. Екатеринбург), птицефабрики «Вараксина» (Удмуртская Республика) и «Челябинская» (г. Копейск) – с годовой выручкой в диапазоне от 6,6 до 53,7 млрд рублей, по неизвестным нам причинам не вошедшие в самый «свежий» на момент подготовки настоящей работы многоотраслевой рейтинг 400 крупнейших компаний Урала и Западной Сибири (Тюменская область, ХМАО и ЯНАО), подготовленный в 2025 году Аналитическим центром «Эксперт»⁴³. Кроме того, мы посчитали необходимым включить в рейтинги перерегистрированные в последние годы в Москве

⁴² Все названные рейтинги и 55 расчетных таблиц к ним представлены в облачном сервисе. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6MWy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026).

⁴³ 400 крупнейших компаний Урала и Западной Сибири // Эксперт-Урал. 2025. № 11. С. 42–58.

(в одном случае – в Республике Татарстан), но продолжающие свою хозяйственную деятельность на Урале 6 предприятий – «Макфа», Курганский мясокомбинат «Стандарт», птицефабрику «Челябинская», сельскохозяйственное предприятие «Мир» (Удмуртская Республика), «Можгасыр» и тепличное хозяйство «АТЭНА» (г. Оренбург)⁴⁴. Отдельные предприятия не могли быть включены в рейтинги по причине отсутствия сведений в базе данных СПАРК или техническим причинам – ликвидация, реорганизация, смена вида экономической деятельности и пр. Однако это общая проблема всех составителей рейтингов.

Репрезентативность подготовленных рейтингов подтверждают следующие данные. Выручка представленных в наших рейтингах предприятий сельского хозяйства возросла с 30,3% ВСХП Урала в 2018 году до 36,2% в 2024 году (с разбросом от минимальных 17,9% ВСХП в Курганской области до 62,4% в Челябинской области). В отношении пищевой промышленности доказательность собранной базы еще выше. Предприятия 15 подотраслей пищевого Урала, сведенные в представляемых рейтингах, за 2018–2024 гг. нарастили свой удельный вес в суммарной реализации продукции отрасли с 59,9 до 72,2%. При этом наибольшая на Урале концентрация отраслевого производства по итогам 2024 года сложилась в Удмуртской Республике, где 99,5% суммарной реализации продовольственных товаров и напитков обеспечило 21 предприятие, Оренбургской области – 84,2% (23) и Пермском крае – 82,6% (21 лидер отрасли)⁴⁵. Понятно, что агропромышленный комплекс Урала не замыкается в границах 400 его ведущих представителей, но анализ складывающихся в их периметре трендов может помочь выявить узловые болевые точки проживаемого периода и возможные направления перспективного движения.

⁴⁴ Вопрос последствий утраты организационно-регистрационной связи с регионом места осуществления производственной деятельности для его экономики в контексте названных предприятий в данной работе не исследовался. Их фиксация в составленных нами рейтингах производилась в регионах исходной регистрации.

⁴⁵ Рассчитано по данным рейтингов топ-400 АПК Урала за 2018–2024 гг. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6Mwy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026) и материалам уральской региональной статистики за 2024 год.

В заключение оговоримся, что метод экспертного рейтингования предприятий агропромышленного сектора используется не только в отечественной, но и в зарубежной научной практике. Например, европейские экономисты большое внимание уделяют ранжированию различных типов ферм (виноделие, выращивание зерновых, садоводство и др.) на основе уровня их инвестиционной активности для выявления наиболее недоинвестированных отраслей сельского хозяйства (Ivanović et al., 2025). Данный метод используется также для сравнения уровня рентабельности ведущих сельскохозяйственных предприятий в разных странах Европейского союза, например Чехии, Венгрии и Польше, с целью нахождения возможных точек роста сектора (Davidova et al., 2025). Экспертное рейтингование на основе вклада в общее потребление внутри региона применяется специалистами ЕС, в том числе, для определения предприятий региона, которые входят в периметр «необходимых организаций» («zone of necessary organizations»), обеспечивающих хозяйственную (продуктовую, финансовую, технологическую и др.) безопасность внутри исследуемого кластера (Simdiankin et al., 2021). В США применение данного метода чаще всего имеет более прикладной характер. Исследования, как правило, проводятся по заказу Минсельхоза США, например, для ранжирования ферм по форме предпринимательской деятельности и/или размеру сельхозугодий (MacDonald et al., 2015), уровню концентрации в разных штатах (Lowder et al., 2016) и т. д. На этой основе определяется необходимость и просчитывается требуемый объем государственной поддержки агробизнеса (Manono, 2025).

Несложно заметить, что наш подход концептуально строится на общей для российской и современной зарубежной практики методологической платформе «рейтингостроительства», но его отличают комплексность («захватываются» не один-два, а совокупность базовых показателей) и большая глубина (динамические ряды анализируются за 7 лет, а не по схеме стандартной «сдвойки» отчетного и предшествующего года). Использование аналитических моделей обработки данных в программах Excel и Power BI позволило в автоматическом режиме агрегировать 55 расчетных таблиц и сформировать семь видов рейтингов

с гибкой параметризацией ранжируемых показателей. Используемый инструментарий делает возможным ретроспективный мониторинг отраслевой и размещенческой динамики агропроизводства, формирование на сведенной информационной базе новых рейтингов (например, ведущих отраслей специализации АПК Урала или отдельных субъектов федерации, выявление кластеров продуктовой специализации и пр.), а при удлинении динамических рядов агрегирование новых рейтингов на выставляемую глубину.

Главные «количественные» результаты рейтинговой оценки АПК Урала

В качестве главных «количественных» итогов выделим следующее.

Первое: «утяжеление» рейтингов. За 2018–2024 гг. суммарная выручка 400 лидеров АПК Урала возросла с 531,9 до 1126,8 млрд рублей (в 2,1 раза), в том числе предприятий сельского хозяйства – со 187,4 до 348,2 млрд рублей (в 1,86 раза), а пищевой промышленности – с 321,1 до 732,5 млрд рублей (в 2,28 раза). Более быстрый рост пищевых производств предопределило действие нескольких обстоятельств. С одной стороны, сказалось изменение количественного состава отраслей в рейтингах. Если в рейтинг по итогам 2018 года (Р-2018) вошли по 189 предприятий сельского хозяйства и перерабатывающего комплекса, то в Р-2024 соотношение изменилось на 173:206 в пользу пищевой промышленности. С другой стороны, «потяжелел» порог входа в рейтинги со 133,9 до 543,0 млн рублей, или в 4,1 раза. Для аграриев средневесовое значение объема реализации одного предприятия в топ-400 возросло с 991,4 млн рублей до 2,0 млрд рублей, для предприятий пищевой промышленности – с 1,7 до 3,6 млрд рублей при общем увеличении удельного показателя с 1,3 до 2,8 млрд рублей.

Второе: стабильность рядов агропромышленной элиты. В Р-2024 обновление состава предприятий по сравнению с Р-2018 составило всего 9,2% (37 новичков). При этом аграрный сектор «выдвинул» 14 новых предприятий, а пищевая промышленность – 20. Впрочем, в ряде случаев в сфере перерабатывающих производств речь идет о формально новых предприятиях. Например, ЗАО «Сарапульский мясокомбинат» и ОАО «Сибайский мясокомбинат» после ликвида-

ции вследствие банкротства в 2012 году возобновили работу на прежних производственных площадках в статусе ООО в 2021 и 2022 гг. соответственно. Обновление рядов в топ-100 АПК Урала по мере реализации новых инвестиционных проектов, смены рыночной стратегии, изменения акцентов в государственной аграрной политике происходит интенсивнее, но главным образом за счет смены «эшелонов» позиционирования. Так, в Р-2024 состав первых 100 предприятий по сравнению с Р-2018 поменялся на 26 позиций, но только 5 из них оказались заняты новичками.

Третье: инерционность отраслевой структуры АПК Урала. В отраслевом разрезе в 2018 году ведущими отраслями специализации пищевой промышленности Урала являлись молочная – 44 предприятия, мясоперерабатывающая – 35 и хлебобулочная – 26. В Р-2024 сохранилось «позаводное» представительство молочной и хлебобулочной отраслей при увеличении количества предприятий мясопереработки до 47. В сельском хозяйстве число предприятий, занимающихся растениеводством, в рейтингах за 2018 и 2024 гг. осталось неизменным – по 65, в сфере животноводства – сократилось с 50 до 45, но почти на столько же возросло в секторе птицеводства – с 35 до 38. По объему реализации в отраслевом разрезе в 2024 году ведущими отраслями специализации АПК Урала оставались производство молочной продукции – 22,35% суммарного объема реализации 400 ведущих предприятий региона (18,59% в Р-2018), птицеводство – 13,31% (16,07%) и масложировая промышленность – 9,55% (в Р-2018 третью позицию с показателем 10,24% занимало животноводство).

Четвертое: стабильность размещенческой структуры АПК Урала. Тройка лидеров сельскохозяйственного производства: (Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области) за 2018 (суммарные 62,27% уральского ВСХП) – 2024 (61,79%) годы осталась без изменений, разве что Оренбургская область вышла на вторую позицию (21,30%), опередив Южный Урал (14,34%). Впрочем, скорее речь идет о восстановлении исторического статус-кво. В 1992 году Республика Башкортостан (23,32%) и Оренбургская область (20,82%) вместе со Свердловской областью (15,55%) составляли

трио лидеров сельскохозяйственного производства⁴⁶, а Челябинская область закрепились на третьей позиции в 2005 году вместо Среднего Урала⁴⁷. Также не изменилось положение дел в переработке сельскохозяйственного сырья на Урале, где на Республику Башкортостан, Свердловскую и Челябинскую области в 2018 (суммарные 65,35% реализации продукции пищевого региона) – 2024 (68,79%) годах стабильно приходилось 2/3 производства продовольствия и напитков при сохранении с 2005 года абсолютного лидерства Свердловской области (с увеличением доли в общеуральском итоге с 22,08% в 2005 году до 25,81% в 2024 году). В принципе, с начала 1990-х гг. лидирующие позиции данных регионов только укрепились. В частности, по итогам 1992 года на их долю приходилось 58,71% суммарного производства пищевых продуктов на Урале, правда, лидировала Республика Башкортостан (26,35%), на второй позиции находилась Свердловская область (19,36%), а третью занимала Пермская область (14,53%)⁴⁸.

Пятое: продолжающееся снижение доли Урала как в ВСХП России – с 11,56 до 10,81% в 2018–2024 гг. (с абсолютным максимумом 14,9% в 1999 году) (Мальцев, Чичилимов, 2025, с. 57), так и производстве пищевых продуктов и напитков – с 7,90 до 7,13% (пиковые 10,4%, правда, с учетом 1,9% мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, пройдены в 1998 году⁴⁹). За тот же период удельный вес пищевой промышленности в структуре обрабатывающих производств Урала несколько вырос – с 8,03 до 8,19%, но на фоне снижения вклада региона в республиканское производство обработанной продукции с 15,0 до 14,18%. К сожалению, за 7 лет из всего состава уральского АПК свой вклад в суммарный республиканский итог удалось нарастить только аграриям Оренбургской области (с 2,02 до 2,30%) и пищевицам Свердловской области (с 1,83 до 1,84%). Если взглянуть шире, то за 35 лет реформ три

региона Урала – Пермский край, Курганская и Свердловская области – так и не смогли превзойти свои же показатели ВСХП за 1990 год, а Оренбургской области удалось выйти на этот рубеж только в 2022 году⁵⁰. Кстати, переработка сельскохозяйственного сырья на Урале, как и в РФ в целом, в последние годы растет быстрее его производства, однако по динамике опережения – в 1,22 раза за 2018–2024 гг. – Урал уступает общероссийскому итогу (в 1,27 раза), что предопределяет сдачу позиций региона, особенно в части производства продукции с большей добавленной стоимостью.

Узловые проблемные зоны АПК Урала, выявленные рейтингованием

Первое: при сохраняющемся доминировании авангарда слабеют позиции среднего и малого бизнеса. На топ-100 лидеров уральского АПК стабильно приходится свыше 70% суммарной реализации входящих в рейтинги предприятий с максимальными 73,08% в 2018 году и минимальными 70,03% в 2024 году. При этом первый дециль (топ-10) свои позиции в рейтингах улучшил с 22,25% в 2018 году до 23,81% в 2024 году. Кстати, состав первой десятки лидеров на 2/3 весь анализируемый период остается неизменным, а оставшаяся 1/3 позиций обновляется по схеме чередования (обратной замены) с предприятиями из второго десятка рейтингов. Лидеры сельскохозяйственного производства на Урале на 2024 год: «Агрофирма Ариант» (16,0 млрд рублей), «Турбаслинские бройлеры» (10,5 млрд рублей), «Башкирская мясная компания» (10,4 млрд рублей) – по отстроенности производственных процессов представляют собой современные высокотехнологичные индустриальные комплексы. По выручке за 2024 год они сопоставимы с такими известными промышленными предприятиями Урала, как, например, Кыштымский медэлектролитный завод (17,0 млрд рублей), Туймазинский завод автобетоновозов (13,1 млрд рублей), Новотроицкий завод хромовых соединений (10,7 млрд рублей). Абсолютные лидеры АПК Урала

⁴⁶ Рассчитано по: Регионы России. 1999. Т. 2. С. 440–441.

⁴⁷ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 529.

⁴⁸ Рассчитано по: РСЕ 1992. С. 91, 183.

⁴⁹ Рассчитано по: Регионы России. 1999. Т. 2. С. 358–359, 363–364.

⁵⁰ Сравнительная динамика производства продукции сельского хозяйства в РФ и регионах Урала в пореформенный период приведена в приложениях. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6MWy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026).

на 2024 год – «Милком», г. Ижевск (53,7 млрд рублей), Жировой комбинат, г. Екатеринбург (46,2 млрд рублей) и Юговской комбинат молочных продуктов, Пермский край (29,8 млрд рублей) со своими итоговыми результатами годовой выручки от реализации продукции с успехом вошли бы при совпадении отраслевой принадлежности в российский рейтинг топ-50 крупнейших машиностроительных компаний страны за тот же год⁵¹.

На этом фоне заметно ослабление позиций среднего бизнеса. Формально, за 2018–2024 гг. количество крупных и средних предприятий⁵² в топ-400 АПК Урала возросло практически одинаково – на 68 (с 64 до 132) и 66 (с 91 до 157) соответственно. В процентном соотношении доля среднего бизнеса даже едва не удвоилась с 22,7 до 39,3% от общего состава рейтингов. Однако в процентах от общего объема реализации рейтингуемых предприятий удельный вес среднего бизнеса снижается год за годом – с 20,56% в Р-2018 до 16,35% в Р-2023 с едва заметным улучшением показателя в 2024 году до 17,0%. В региональном разрезе в 2024 году наибольшее количество средних предприятий представляли Свердловскую область – 39 (25 в 2018 году), Челябинскую область – 29 (19) и Республику Башкортостан – 28 (15). В отраслевом разрезе средний бизнес сосредоточен в растениеводстве (29 предприятий в Р-2024, 13 – в Р-2018), мясоперерабатывающей (18 и 13) и молочной промышленности (14 и 16). За 2018–2024 гг. общее число средних производств в сельском хозяйстве возросло с 30 до 66, в пищевой промышленности – с 60 до 80, в комбикормовой промышленности – с 1 до 9, плюс в 2024 году в число средних предприятий вошли два элеватора. Получается, что на весь уральский агропромышленный комплекс приходится всего 157 предприятий среднего бизнеса, по факту призванного выступать стеновым хребтом любой

экономики. Ситуацию усугубляет ослабление позиций малого бизнеса – резервуара, из которого средний бизнес должен получать стабильную подпитку. Как выяснилось, за 2018–2024 гг. количество малых предприятий в рейтингах снизилось в 2,2 раза (с 245 до 111), а их удельный вес в общей выручке топ-400 АПК Урала – в 2,55 раза (с 16,78 до 6,57%), что опровергает вывод ряда специалистов о том, что «после 2019 года набирают обороты представители малых форм хозяйствования в аграрном секторе и сельскохозяйственные кооперативы» (Соколова, Макарова, 2025, с. 8).

Второе: «очаговость» прибыльности АПК-бизнеса. Суммарный объем чистой прибыли 400 лидеров уральского АПК за 2018–2024 гг. увеличился с 31,3 до 86,4 млрд рублей, или в 2,76 раза, то есть в динамике опередил прирост их годовой реализации за тот же период. При этом, если в 2018 году при равном количестве (по 189) вошедших в рейтинг предприятий на пищепром пришлось суммарно 17,1 млрд рублей, а сельское хозяйство – 13,4 млрд рублей чистой прибыли, то в 2024 году 173 агропроизводственных единицы получили 43,3 млрд рублей чистой прибыли или на 2,3 млрд рублей больше, чем 206 предприятий пищевых отраслей Урала. Если не брать в расчет «Руссолю» с зашкаливающим показателем чистой прибыли (2,0 млрд рублей в 2018 году, 4,8 млрд рублей в 2024 году), то в разрезе отраслей в расчете на одно предприятие наивысший показатель на всем отрезке 2018–2024 гг. (кроме отрицательного результата в 2022 году) складывался в масложировой отрасли (от 190,6 млн рублей в 2018 году до 596,0 млн рублей в 2024 году в среднем на одно предприятие). От аграрного сектора животноводческие хозяйства в 2018 году заняли четвертое место в «абсолюте» (151,3 млн рублей), пропустив на третью позицию предприятия мукомольной промышленности (154,3 млн рублей), а в 2024 году третьими в этом микрорейтинге стали птицеводы (471,4 млн рублей), закончившие 2018 год с чистым убытком по 100 тыс. рублей на 1 хозяйство. Однако даже эта краткая выборка лучших по прибыльности предприятий уральского АПК заставляет обратить внимание на два момента. С одной стороны, только в 2023–2024 гг. в итоговых колонках годовой чистой прибыли в расчете на одно предприятие в разрезе отраслей

⁵¹ Ремизов М., Огородников Е. (2025). Кто строит машины в России // Монокль. № 49. С. 44–45.

⁵² Структурирование предприятий (крупные – средние – малые) выполнялось в соответствии с положениями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Постановления Правительства РФ от 13 июля 2015 г. № 702 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».

не оказалось ни одного отрицательного значения. С другой стороны, у предприятий шести отраслей (в том числе мясоперерабатывающей, спиртоводочной, комбикормовой) абсолютные объемы чистой прибыли в среднем на одну производственную единицу в 2024 году оказались меньше 100 млн рублей (в 2021 году – у 12 отраслей, в 2022 году – у 10). При таких объемах чистой прибыли говорить о возможности реализации сколько-нибудь крупных проектов инновационной модернизации производства крайне сложно. Известна, конечно, специфика конкретно российского бизнеса, когда больше 1/2 инвестиций в основной капитал осуществляется за счет собственных средств предприятий (53,8% в 2023 году при 9,8% привлеченных кредитов банков⁵³), но это тем более заставляет обратить внимание на сформировавшийся тренд.

Третье: крайне медленно растущая рентабельность, что угнетающе действует на возможности инвестиционного развития сектора. В усреднении по 400 ведущим предприятиям АПК Урала отношение чистой прибыли к выручке от реализации в 2024 году равнялось 7,7% (7,6% для первой сотни в рейтинге) по сравнению с 5,9% (5,7%) в 2018 году⁵⁴. В 2022 году показатель вообще снизился до 5,4% (4,3%). В агропроизводстве в 2024 году рентабельность варьировала в диапазоне 10,3% (животноводство) – 15,5% (растениеводство), что не дотягивало до среднероссийского уровня – 18,4% (с учетом субсидий) и 15,4% (без учета субсидий)⁵⁵. В секторе переработки положение дел выглядит немногим лучше. Если отбросить экстремум «Руссоли» (35,5%), то в секторе перерабатывающих отраслей рентабельность менялась от 0,7% в спиртоводочной и 2,1% в мясоперерабатывающей до 9,0% в хлебобулочной промышленности и 10,5% в производстве приправ и пряностей.

⁵³ РСЕ 2024. С. 294.

⁵⁴ Для сравнения: в исторически первом рейтинге «Топ-50 российского машиностроения» за 2024 год его лидер – «Ростех» – завершил год с рентабельностью выручки 3,64%, у занявшего в рейтинге третью позицию «Трансмашхолдинга» – 5,5%. Подробнее см.: Ремизов М., Огородников Е. (2025). Кто строит машины в России // Монокл. № 49. С. 42.

⁵⁵ Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2025 г. № 1843-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 4044.

По этой причине в отдельный рейтинг 100 лучших предприятий АПК Урала по рентабельности из первой сотни топ-400 в 2024 году вошли только 13 предприятий сельского хозяйства и по одному заводу от соляной и мясоперерабатывающей промышленности.

Возможные точки роста АПК Урала

Первое: главным резервом развития АПК выступает производительность труда. В 2024 году из 400 предприятий базового рейтинга у 25 (из первой сотни – только у абсолютного лидера, концерна «Милком») отсутствовали данные по среднесписочной численности занятых на 31 декабря 2024 года. По 375 предприятиям в среднем производительность труда составила 8,98 млн рублей (в 2023 году – 7,78 млн рублей). В разрезе отраслей наибольшая производительность труда за 2024 год отмечена в производстве чая и кофе – 45,83 млн рублей, масложировой промышленности – 41,28 млн рублей, переработке и консервировании рыбы, ракообразных и моллюсков – 34,1 млн рублей. Меньший среднерейтинговый уровень сложился в кондитерской промышленности – 6,82 млн рублей, животноводстве – 5,45 млн рублей и птицеводстве – 6,0 млн рублей. К сожалению, сравнить эти данные со среднероссийскими ввиду отсутствия последних невозможно. Некоторое приближение можно получить, опираясь на аналитические комментарии первых рейтингов топ-50 федерального АПК. В первом рейтинге за 2014 год лидером по производительности стал вертикально интегрированный холдинг полного цикла «Агро-Белогорье» – 10,5 млн рублей годовой реализации на одного работника⁵⁶. В федеральном рейтинге за 2016 год у этой же компании, сохранившей лидерство по данному показателю, зафиксирован почти такой же результат – 9,85 млн рублей⁵⁷. В последующем новых обращений к этому вопросу Аналитический центр «Эксперт» не предпринимал.

Второе: закрепление в сравнительно новых для региона нишах. За 2018–2024 гг. наибольший объем прироста реализации в расчете на одно предприятие пищевой промышленности

⁵⁶ Ермак С. (2015). Продовольственный оптимизм // Эксперт. № 41. С. 82.

⁵⁷ Ермак С., Печенкина Т. (2017). Удобрить АПК // Эксперт. № 41. С. 69.

зарегистрирован по таким видам деятельности, как «производство чая и кофе» — в 8,45 раза, «прочие виды переработки и консервирования фруктов и овощей» — в 4,2 раза, «переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков» — в 3,32 раза. В сельском хозяйстве входящие в рейтинги топ-400 предприятия, специализирующиеся на выращивании овощей закрытого грунта, грибов и трюфелей, нарастили выручку с 7,0 до 20,3 млрд рублей, или в 2,9 раза, тогда как все структуры, занимающиеся растениеводством, в 2,38 раза. Еще заметнее результаты предприятий с профилем деятельности «цветоводство». В Р-2018 входили только два удмуртских предприятия — «Декоративно-цветочные культуры», г. Ижевск и «Цветы Удмуртии», г. Сарапул с достаточно скромными результатами (657,2 млн рублей суммарной реализации). В Р-2024 число специализированных цветоводческих хозяйств удвоилось, а их суммарная выручка от реализации возросла в 5,23 раза до 3,4 млрд рублей. Удмуртская Республика вообще оказалась лидером данного направления на Урале, но цветоводством все активнее начинают заниматься и в других регионах, прежде всего Челябинской и Свердловской областях.

Третье: освоение производства продукции с возможно большей добавленной стоимостью. Так, молочный комплекс Урала, располагая (по итогам 2023 года) 14,56% поголовья крупного рогатого скота в РФ и производя 15,48% всего молока в стране⁵⁸, которое отдельные эксперты называют «второй нефтью» России⁵⁹, мог бы стать базой для выпуска сверхвостребованной продукции максимально глубокой переработки, в частности сывороточного и казеинового белков — ключевых ингредиентов в заменителе грудного молока, спортивном, лечебном и специализированном питании. Зерновой подкомплекс Урала (8,19% урожая зерна в РФ в 2023 году) при всей сложности природно-климатических условий (Свердловская область, Пермский край и Удмуртская Республика находятся в Нечерноземной зоне) — фундамент мощного мукомольно-крупяного кластера (14,09% обще-

российского производства муки⁶⁰), пока практически не зашедшего в сектор более глубокой переработки зерна и зернобобовых культур⁶¹. Например, в стране на начало 2025 года всего два завода производили лизин (аминокислоту, кратно улучшающую конверсию кормов в животноводстве, птицеводстве и пр.), закрывая 2/3 потребности внутреннего рынка⁶². Один из них, «Аминосиб» (120 тыс. т годовой переработки пшеницы⁶³), находится в Тюменской области, граничащей с Курганской областью с практически идентичными природно-климатическими условиями и масштабами зернового производства (по 1,5 млн т валового урожая в 2023 году — номера 29 и 30 в «зерновом» рейтинге России⁶⁴). Рассматривая аминокислоты как промежуточный этап переработки зерна, можно переходить в более высокие переделы (и пока незанятые ниши) — выпуск модифицированных крахмалов, биоразлагаемых пластиков и др. с максимальной добавленной стоимостью.

Заключение

Как показал проведенный анализ, агропромышленный комплекс даже крупных индустриальных центров страны располагает существенным потенциалом дальнейшего роста. Однако его реализация требует взаимодополнения усилий государства, регионов и бизнеса. В этом плане вызывают вопросы несколько обстоятельств.

⁶⁰ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. С. 654–655, материалы уральской региональной статистики.

⁶¹ Для сравнения: в 2024 году Россия, по данным МСХ РФ, экспортировала 44 млн т пшеницы (против 54,1 млн т в 2023 году), сохранив за собой первое место в мире (21%), а на сравнительно небольшом мировом рынке муки (16 млн т) заняла только 7,5% (отгрузив 1,2 млн т из 11,2 млн т суммарного производства). См.: Пшеница под давлением. Итоги зернового сезона 2024/2025 и виды на новый сельхозгод // Oilworld.ru. 24.07.2025. URL: <https://www.oilworld.ru/news/wheat/360991> (дата обращения: 14.12.2025); Комаров В. (2025). Мукомолы насыпали Афганистану // Коммерсантъ. 20 февраля. № 31. С. 6.

⁶² Лабыкин А. (2022). «Расширить и углубить» переработку зерновых оказалось непросто // Эксперт. № 46. С. 60, 63.

⁶³ Тюменский «Аминосиб» на треть увеличивает производство лизина // Эксперт-Урал. 2024. 5 ноября. URL: <https://expert-ural.com/news/tyumenskiy-aminosib-natret-uvlichivaet-proizvodstvo-lizina.html> (дата обращения: 14.12.2025).

⁶⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 655.

⁵⁸ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. С. 676–677, 684–685.

⁵⁹ Краснова В., Матвеева А. (2024). Инвестиции стального магната: молоко, пюре и каши // Монокль. № 41. С. 29.

Во-первых, снижаются объемы финансирования четырех ключевых госпрограмм МСХ России⁶⁵ — с 665,0 млрд рублей в 2024 году⁶⁶ до 565,0 млрд рублей в 2025 году и 540,4 млрд рублей в 2026 году⁶⁷. Эта же тенденция прослеживается на региональном уровне. Например, в Курганской области на поддержку приоритетных направлений малого агробизнеса, играющего значительную роль в сельском хозяйстве региона, в 2024 году направили 363 млн рублей, в 2025 году — 283, на 2026 год запланировано выделение 222,2 млн рублей⁶⁸. В условиях снижения рентабельности сельскохозяйственного производства (с 28,4% с учетом субсидий в 2021 году⁶⁹ до 18,4% в 2024 году⁷⁰), почти незаметного прироста физического объема инвестиций в основной капитал в отрасли (на 1,7% за годы реализации базовой госпрограммы 2012–2024 гг. против 33,1% совокупного прироста в экономику страны в целом за тот же период⁷¹), осложнений на целом ряде экспортных рынков (прямые и косвенные санкции, укрепление рубля к доллару за 2025 год на 25%⁷², пр.) ослабление господдержки негативно сказывается на устойчивости агросектора и по цепочке передает напряжение смежным отраслям.

⁶⁵ «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717), «Развитие рыбохозяйственного комплекса» (постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 314), «Комплексное развитие сельских территорий» (постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696), «Эффективное вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развитие мелиоративного комплекса Российской Федерации» (постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731).

⁶⁶ Королева А. (2025). Аграрные бюджеты готовят к кройке // Коммерсантъ. 29 июля. № 134. С. 2.

⁶⁷ В 2026 году на госпрограммы АПК предусмотрено 540,4 млрд руб. — Лут // Спецагро. 2025. 25 сентября. URL: <https://specagro.ru/news/202509/v-2026-godu-nagospogrammy-ark-predusmotreno-5404-mlrd-rub-lut> (дата обращения: 16.12.2025).

⁶⁸ Пичурина В. (2026). Хуже саранчи // Российская газета. Приложение «Уральский регион». 16 апреля. № 81. С. 13.

⁶⁹ РСЕ 2024. С. 336.

⁷⁰ Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2025 г. № 1843-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 4044.

⁷¹ Рассчитано по материалам сборника «Российский статистический ежегодник» за соответствующие годы.

⁷² Рассчитано по: ЦБР. Динамика официального курса заданной валюты. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 16.01.2026).

Во-вторых, сказывается общая недонастройка системы «умного протекционизма». Например, в 2021 году для защиты внутреннего рынка введен механизм зернового демпфера как комбинация вывозных пошлин с плавающей ставкой (3489 рублей за 1 тонну в среднем за 2021 год, 5746 рублей в 2022 году, 4353 рубля в 2023 году, 2701 рубль в 2024 году) и субсидирования производителей зерна из средств, поступивших в бюджет от уплаты «зерновых» пошлин. Внутренний рынок защитить удалось, параллельно увеличилось производство продукции с большей добавленной стоимостью (муки, комбикормов, пр.). Однако негативные последствия перевесили. Зерновой демпфер сбил внутренние цены на 10–25% к возможным ценам при нулевой экспортной пошлине. Это обернулось снижением выручки аграрного сектора за 2021–2024 гг. на 200 млрд рублей, экспортеров зерна — на 369,7 млрд рублей. При этом прямые субсидии производителям всех зерновых культур из собранных пошлин за четырехлетний период составили всего 40 млрд рублей (Большасов, 2025).

В-третьих, пока не решен вопрос концептуализации задачи встраивания АПК в систему стратегического планирования российской экономики. В этом отношении обращает на себя внимание следующий момент. 8 декабря 2025 года на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам рассмотрен План структурных изменений российской экономики до 2030 года, ранее одобренный правительством. В число семи главных направлений плана агропром, обеспечивающий стабилизирующую экономический рост функцию, не вошел. Из конкретики, в частности, заявлено увеличение за десятилетие к 2030 году доли обрабатывающих производств, НИОКР, финансового сектора, ИКТ и туризма в ВВП на 2% в каждом конкретном случае при снижении доли нефтегаза на 3,6%⁷³. Очевидно, что вопросы укрепления продовольственной безопасности будут непременно учтены при реализации всех базовых направлений планируемой трансформации российской экономики. Тем не менее, даже не выделяя данный блок вопросов в отдельное направление структурных преобра-

⁷³ Крючкова Е. (2025). Без тени и сомнения // Коммерсантъ. 9 декабря. № 227. С. 2.

зований, на наш взгляд, имеет смысл зафиксировать в программных документах задачу повышения приоритета роста АПК как минимум неснижением (предпочтительнее – синхронизацией с динамикой обрабатывающих производств) удельного веса агропрома (сельского хозяйства и пищевой промышленности) в ВВП России.

Литература

- Алтухов А.И., Волков С.Н., Сорокина О.А. (2025). Классификация неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения для вовлечения в оборот на основе ГИС-технологий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 3–9. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-10-3-9
- Большаков А.И. (2025). Оценка влияния зернового демпфера на российский рынок пшеницы // Экономическая политика. Т. 20. № 6. С. 68–95. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-6-68-95
- Долгушкин Н.К. (2025). Научное обеспечение продовольственной безопасности в условиях современных вызовов // АПК: Экономика, управление. № 1. С. 14–21. DOI: 10.33305/251-14
- Климентова Э.А., Дубовицкий А.А. (2025). Формирование инвестиционного потенциала устойчивого развития сельскохозяйственных организаций // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 3. С. 12–19. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-3-12-19
- Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2025). Регионально-отраслевая реструктуризация инвестиционных потоков как фактор укрепления устойчивости экономики Урала // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 52–70. DOI: 10.52180/2073-6487-2025_2_52_70
- Патракова С.С., Копытова Е.Д. (2025). Современное состояние продовольственной безопасности Европейского Севера России // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 143–165. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.8
- Рябов И.Ю., Понькина Е.В., Строков А.С. (2024). Перспективы углеродной нейтральности в сельском хозяйстве России по сценариям SSP: анализ на уровне страны и региона // Пространственная экономика. Т. 20. № 1. С. 26–62. DOI: 10.14530/se.2024.1.026-062
- Соколова Е.С., Макарова Е.Б. (2025). Анализ экономической составляющей концепции устойчивого развития аграрного сектора и обеспечения продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 2. С. 2–10. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-2-2-10
- Узякова Е.С., Широков А.А. (2024). Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 6–20. DOI: 10.47711/0868-6351-205-6-20
- Ушачев И.Г., Колесников А.В., Маслова В.В. (2025). Приоритетные направления развития АПК на современном этапе // АПК: Экономика, управление. № 1. С. 3–13. DOI: 10.33305/251-3
- Фролова Е.Ю. (2025). Преодоление зависимости российского АПК от импортной сельскохозяйственной техники // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 34–41. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-10-34-41
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2024). Адаптация российского агропродовольственного комплекса к новым геополитическим реалиям // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 165–175. DOI: 10.47711/0868-6351-206-165-175
- Adam D. (2021). How far will global population rise? Researchers can't agree. *Nature*, 597, 7877, 462–465. DOI:10.1038/d41586-021-02522-6
- Barbier E.B., di Falco S. (2021). Rural populations, land degradation, and living standards in developing countries. *Review of Environmental Economics and Policy*, 15(1), 360–375. DOI: 10.1086/713152
- Cattaneo A., Girgin S., de By R. et al. (2024). Worldwide delineation of multi-tier city-regions. *Nature Cities*, 1(7), 469–479. DOI: 10.1038/s44284-024-00083-z
- Davidova S., Gorton M., Ratering T., Zawalinska K. (2025). Farm productivity and profitability: A comparative analysis of selected new and existing EU member states. *Comparative Economic Studies*, 47(4), 652–674. DOI: 10.1057/palgrave.ces.8100066
- Fuglie K., Morgan S., Jelliffe J. (2024). World agricultural production, resource use, and productivity, 1961–2020. *Economic Information Bulletin*, 268. DOI: 10.22004/ag.econ.341638

- Ivanović S., Janković-Šoja S., Todorović S. (2025). Ranking farm types in the European Union according to investment activity: The I-distance approach. *International Review*, 14(3-4), 97–107. DOI: 10.5937/intrev25040971
- Lowder S., Raney T., Scoet J. (2016). The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide. *World Development*, 87, 1–13. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.10.041
- MacDonald J., Korb P., Hoppe R.A. (2015). *Farm Size and the Organization of U.S. Crop*. Washington: The U.S. Department of Agriculture.
- Manono B.O. (2025). Small-scale farming in the United States: Challenges and pathways to enhanced productivity and profitability. *Sustainability*, 17(15), 2–30. DOI: 10.3390/su17156752
- Nakelse T., Thompson T. (2025). *Global Agricultural Productivity Report 2024: Powering Productivity: Scaling High Impact Bundles of Proven & Emerging Tools*. Blacksburg: Virginia Tech College of Agriculture and Life Sciences.
- Nkonya E., Mirzabaev A., von Braun J. (2024). Economics of land degradation and improvement. *A Global Assessment for Sustainable Development*, 16(2), 100–117. DOI: 10.1007/978-3-319-19168-3
- Ortiz-Bobea A., Ault T.R., Carrillo C.M., Chambers R.G., Lobell D.B. (2021). Anthropogenic climate change has slowed global agricultural productivity growth. *Nature Climate Change*, 11(4), 306–312. DOI: 10.1038/s41558-021-01000-1
- Pierri F.M., Anseeuw W., Campolina A. (2025). Land tenure for resilient and inclusive rural transformation. *Global Food Security*, 44, 100835. DOI: 10.1016/j.gfs.2025.100835
- Simdiankin A.A., Probin P.S., Yukhin I.A., Rembalovich G.K. (2021). Formation of an agricultural cluster based on the ranking of enterprises. *IOP Conference Series Materials Science and Engineering*, 1079(6), 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/1079/6/062087
- Su H., Foster T., Hogeboom R.J. et al. (2025). Nutrient production, water consumption, and stresses of large-scale versus small-scale agriculture: A global comparative analysis based on a gridded crop model. *Global Food Security*, 45, 100844. DOI: 10.1016/j.gfs.2025.100844
- Wuepper D., Borrelli P., Panagos P. et al. (2021). A ‘debt’ based approach to land degradation as an indicator of global change. *Global Change Biology*, 21(7), 5407–5410. DOI: 10.1111/gcb.15830

Сведения об авторах

Андрей Александрович Мальцев — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Сергей Валерьевич Чичилимов — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Maltsev A.A., Chichilimov S.V.

A Rating Assessment of the Condition of the Urals' Agro-Industrial Complex: Key Problems and Potential Growth Points

Abstract. In recent years, despite mounting external challenges — from the general problems affecting global agriculture and the deteriorating situation on food markets to the intensifying “first global food war” — Russia’s agro-industrial complex has been turning into a backbone sector of the national economy. It can now be viewed not only as a supplier of food and resources for many industries, but also as a developer and consumer of critical high-tech solutions and breakthrough technologies capable of mitigating many of today’s global threats. The specific processes unfolding in the country’s agro-industrial sector, however, are rarely scrutinized at the micro-level — that is, from the standpoint of individual agricultural and food-industry enterprises — largely because the work is so labor-intensive and primary data so difficult to collect. This work is one of the first attempts to fill that gap, using a sample of 585 enterprises from the

agro-industrial complex of the Urals, spanning seven federal subjects: the Republic of Bashkortostan; the Chelyabinsk, Orenburg, and Kurgan regions; and three regions of the Non-Black Earth Zone – the Udmurt Republic, the Perm Territory, and the Sverdlovsk Region. As far back as 2000, this macro-region ranked second among the country's 11 economic regions in gross agricultural output (14.07%) and produced nearly one-tenth of the Russian Federation's food (8.78%), yet over the following quarter-century it has lost some ground in that hierarchy (down to 10.81% and 7.13% in 2024, respectively). The main methodological tool is a first-ever ranking of the enterprises of the Ural agro-industrial complex, based on open data from the "Professional Market and Company Analysis System". For each year from 2018 to 2024, seven rankings were compiled: the Top-400 Leaders of the Ural agro-industrial complex by sales revenue; the Top-100 Leaders in agriculture; the Top-100 Leaders in the food industry (by sales volume); the Top-100 Leaders by net profit; the Top-100 Leaders by profitability; a ranking of problem zones (the 50 agricultural and food-industry enterprises with the largest net loss from business operations at year-end); and the Top-100 Leaders by labor productivity. In line with the study's objectives, the paper identifies the key risk-prone problem areas and possible growth points for the Ural agro-industrial business. Given its focus on the period 2018–2024, the discussion is prefaced by a brief characterization of the key global challenges currently affecting the world agrarian sector and of the main outcomes of the repositioning of agriculture in the modern Russian economy. The findings can be used by practitioners when preparing specific decisions to refine the "road map" for the further development of the country's agro-industrial complex and of the Urals in particular.

Key words: agro-industrial complex, food industry, ranking, agriculture, sustainable economic growth.

Information about the Authors

Andrei A. Maltsev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Sergey V. Chichilimov – Candidate of Sciences (Economics), Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Статья поступила 03.02.2026.